

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882(092)

А.А. Белоус

ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ РОМАН ДОСТОЕВСКОГО В ЗЕРКАЛЕ ХРИСТИАНСКОГО СОЗНАНИЯ

Анализируется понятие «полифонический роман Достоевского» М.М. Бахтина, введенное им в монографии «Проблемы поэтики Достоевского». Рассматриваются мировоззренческие источники, питающие мысль исследователя. Понятие «полифонический роман» осмысливается с точки зрения поэтики, онтологии и гносеологии.

Ключевые слова: Достоевский; Бахтин; полифонический роман; самосознание; христианство; диалог.

Сегодня игнорировать мировоззренческий аспект в научном анализе, особенно если это касается эстетических и этических законов художественного творчества, практически невозможно. М.М. Бахтин проницательно уловил органическое соответствие формы и содержания романов Достоевского, а именно обусловленность полифонического строения романов, их диалогичности и прочей специфики мировоззрением писателя. И наоборот: мировоззрение писателя могло проявиться только в форме полифонического романа вкупе с другими особенностями поэтики Достоевского.

Подобная прозорливость наталкивает на мысль о совпадении ментальностей писателя и исследователя. Несмотря на то что речь в работе Бахтина идет о поэтике Достоевского, о формах его творчества, заложенный в ней смысл, как уже отмечали многие исследователи, значительно глубже и касается онтологических и гносеологических корней концепции автора, а также критериев истинности научных выводов. Именно с этих позиций проанализированы основные художественные принципы Достоевского, использованные им в композиционном строении романа и шире – в поэтике творчества, а также их отражение в литературоведческой концепции М. Бахтина.

В названной работе Михаил Бахтин сформулировал свою основную идею, характеризующую поэтику Достоевского: «Мы считаем Достоевского одним из величайших новаторов в области художественной формы. Он создал, по нашему убеждению, совершенно новый тип художественного мышления, который мы условно назвали *полифоническим*. ...Можно даже сказать, что Достоевский создал как бы новую художественную модель мира...» [1. С. 3].

Идея оказалась «как нельзя впору» творчеству писателя. Напомним, сущность идеи в том, что «Достоевский, подобно гетевскому Прометею, создает не безгласных рабов (как Зевс), а *свободных* людей, способных стать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восставать на него. *Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского*» [Там же. С. 7]. Хочется подчеркнуть, что в приведенной цитате выражение «по нашему убеждению» прямо отсылает к миропониманию и мировосприятию Бахтина.

М.М. Бахтин называет целый ряд факторов творческого становления Достоевского биографического и социального характера, позволивших вызреть его жанру, в том числе и полифонизму: это «и объективная сложность, противоречивость и многоголосность эпохи Достоевского, положение разночинца и социального скитальца, глубочайшая биографическая и внутренняя причастность объективной многопланности жизни и, наконец, дар видеть мир во взаимодействии и сосуществовании...» [Там же. С. 53]. В то же время, по понятным причинам (идеологическая диктатура), Бахтин не формулирует в явной форме вопросы, связанные с метафизическими опорами художественного видения Достоевского.

В романах Достоевского его мировоззрение опосредовано художественными реалиями, множественностью и многополярностью голосов действующих лиц, поэтому «поймать его на слове» мало кому удавалось. Русская дореволюционная (о чем говорит Б. Энгельгардт), да и последующая критика, в том числе зарубежная (наглядная иллюстрация – работы иностранных авторов в серии сборников «Достоевский», вышедшей в 1970-е гг.), привыкшая к романам монологического типа, отождествляла творчество Достоевского с той или иной философией (идеями, по Энгельгардту), представленной его героями, что закономерно приводило в литературоведении к многовекторности образа самого автора, Достоевского. Не потому ли писатель оказался близок и философам-экзистенциалистам, и атеистам, и христианам, и многим иным? В действительности, «никто не может сидеть на двух стульях» – это касается и писателя Достоевского, и литературоведа Бахтина.

Отношения с Богом для верующего человека – основа творчества, в том числе писательского и литературоведческого. В арсеналах литературоведения достаточно материалов (дневники, записные книжки, письма, биографические факты), доказательно подтверждающих христианское, причем, что принципиально, православное, мировоззрение Достоевского. Именно православием порождаются несущие конструкции содержания и формы романов Достоевского.

М.М. Бахтин вряд ли в такой степени приблизился бы к пониманию творчества Достоевского, если бы он обратился к нему с чуждым ему «уставом». О христианских корнях мировоззрения Бахтина, в частности,

писал Ю.М. Зенько [2]. Прозрение М. Бахтина относительно поэтики Достоевского может объясняться именно мировоззренческой близостью писателя и литературоведа, хотя суровое время написания монографии (1929 г.) не позволило ее автору открыто заявить о своих взглядах. Отсюда элементы эклектичности в работе Бахтина. В частности, он проводит параллель Достоевского, демиурга своего художественного космоса, не с христианским Творцом, а с языческими богами, хотя при этом выводы делает отнюдь не противоречащие христианскому сознанию.

Создание человека по образу и подобию Божьему задает в христианстве антропологию человека, который изначально считается совершенным существом со свободной волей, созданным для сотворчества и соработничества с Создателем. Теперь совершенство утеряно, но до тех пор, пока у человека сохраняется связь с Творцом (со-весть), призывающим к спасению, и не отнята свободная воля, – он остается человеком. Страсти и пороки временами лишают его ума, делая своим рабом.

Идет жестокая борьба между разумом и безумием, следствием которой является либо порядок, либо хаос, энтропия, либо сохранение формы и разумного содержания жизни, либо разрушение, обезображивание формы и искажение смысла бытия: «Бог с дьяволом борются, а поле битвы – сердца людей». Пока человек окончательно не потерял совесть и свободную волю (категории, неразрывно связанные) – человеческая история продолжается. Задача его в этой жизни, насколько возможно, заключается в подражании Спасителю.

Обозначив бытийные координаты рассуждения, обратимся к художнику-творцу, к Достоевскому. Он тоже заселяет свой космос не фантомами и не символическими фигурами. Его герои в большинстве своем еще чувствуют позывы совести и свободны в выборе, за исключением тех бессознательных моментов или периодов своей жизни, когда поведение диктует наваждение (как у Раскольникова), страсть (Дмитрий Карамазов), порок (Свидригайлов, Федор Павлович, Ставрогин) или, как у Ивана Карамазова, сам черт. Галерея персонажей Достоевского четко выстраивается по критерию отношения к Богу, демонстрируя грехи и пороки, которые определяют это отношение, т.е. веру, неверие, сомнения.

Пока человек окончательно не отпал от Бога, он открыт диалогу. Самосознание человека постоянно вызывает к самосознанию других людей и ищет оправдания в глазах Создателя, т.е. человек в онтологическом смысле – это, прежде всего, слово. Недаром в Евангелии сказано: «От слов своих осудитесь, от слов своих оправдаетесь».

Человек адекватен своему сознанию, а так как оно изменчиво и текуче, то он никак не может быть «неподвижной и конечной субстанцией» [1. С. 86]. То же самое мы видим в романах Достоевского. Не ходячие идеи представляют собой персонажи Достоевского, как утверждает Б. Энгельгардт («...его героиней была идея») [3. С. 90], а свое «всепоглощающее сознание» [1. С. 83].

В этом смысле «герой Расина равен себе самому, а герой Достоевского ни в один миг не совпадает с са-

мим собою» [Там же. С. 86]. Потрясенный происшедшим, плачущий в тюрьме о своих грехах Митя Карамазов – совсем иное существо по своей онтологической сущности, нежели скандалист и сладострастник в начале романа.

Достоевский мог бы, как в «монологическом» произведении, задать твердые «социально-характеристические облики» персонажам и не пытаться через своих героев какие-то «мысли разрешать», а высказать вполне определенно свою позицию. Но писатель «разговаривает» с героями через придуманные им коллизии, сталкивая их точки зрения, уточняя и проясняя позиции в сюжетных контрапунктах. Он наблюдает за развитием, как говорит М. Бахтин, их *самосознания*, которое у них вращается вокруг главных вопросов: есть ли Бог, что есть добро и зло, бессмертна ли душа, возможно ли в мире зла существование идеально прекрасного человека и т.п.

Достоевского как творца интересует главное: работа самосознания его героев. Он внимательно наблюдает, куда оно движется – к спасению или к гибели души? Поэтому именно самосознание персонажей становится у него их *художественной доминантой*. Не случайно в его творчестве появляются «мечтатель» и «человек из подполья». Их сознание – «благоприятная почва для творческой установки Достоевского» [1. С. 84].

Персонажи Достоевского вполне независимы, так как их самосознание автономно (хотя, по словам Бахтина, «пуповина» с автором не обрезана, иначе это было бы не художественное произведение, а личный документ), за героем остается «последнее слово» [Там же. С. 89].

Чем разнится художественное изображение самосознания героев Достоевского от «потока сознания» персонажей у писателей монологического толка? Главное отличие в осязаемом присутствии автора во втором случае. Например, даже ощущения от приближающейся смерти князя Андрея Болконского Толстой передает от третьего лица, объективируя персонажа.

Христианская антропология утверждает, что человек создан по образу и подобию Творца, и его сверхзадача – отождествление с Ним («Ты во мне, Я в тебе»).

Достоевский, обладая художественным даром в высшей степени, способен отождествлять себя со своими творениями в такой мере, что усваивает не только их мысли, чувства, язык, но и гораздо большее – их самосознание. В итоге он представляет на суд читателя убедительную «правду» каждого действующего лица, который становится полноправным субъектом действия, обретая относительную независимость от авторской воли, равно как человек со свободной волей является в той или иной степени творцом своей биографии и истории.

Бахтин пронизательно связывает изображение самосознания героя в произведениях Достоевского с открытием в нем «личности» или «поиском святая святых, человека в человеке». «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова, что не поддается овнешляющему заочному определению» [1. С. 98–99].

По христианскому толкованию, стремление обрести потерянный рай, вернуть «образ и подобие Божие», «плач по своим грехам» вытекает из самой антропологии человека, его сотворенной Богом природы. Причем

«пока человек жив, он живет тем, что еще не завершено и еще не сказал своего последнего слова» [Там же. С. 99].

Христианская история полна примеров обнаружения в себе «человека» на разных этапах жизненного пути, вплоть до преддверия смерти (пример «благоразумного разбойника» на кресте). Достоевский внимательно всматривается и вслушивается в непрерывно идущий процесс работы самосознания своих героев, чтобы не пропустить этот шанс.

Рассуждения Бахтина о поэтике Достоевского будут неполными, если исключить из них его теорию о диалогической природе любого самосознания.

Исследователь утверждает, что самосознание проявляет себя исключительно в диалоге с явным или воображаемым оппонентом, как, например, у «человека из подполья» или у Раскольникова в его первом монологе, где он мысленно спорит с матерью и сестрой, только что приславшими ему письмо (примеры Бахтина). «Для Бахтина “диалог” никоим образом не “сообщение” (некое одноразовое событие...), но бездонная воронка, втягивающая в себя (виток за витком) все бытие человека. Бахтинский диалог есть лишь там, где есть “диалог диалогов” – бесконечная и незавершаемая (хотя и замкнутая “на смысл”) спираль речевых высказываний (вопрос – ответ – вопрос; согласие; переосмысление; возмущение и моление; ожидание чужого слова и отталкивание от него...)» [5. С. 29].

Романы Достоевского пронизаны токами напряженного диалога, в который читатель вовлекается в качестве еще одного оппонента. «Достоевский обладал гениальным даром слышать диалог своей эпохи или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог, улавливать в ней не только отдельные голоса, но прежде всего именно диалогические отношения между голосами, их диалогическое взаимодействие. Он слышал и господствующие, признанные, громкие голоса эпохи, то есть господствующие, ведущие идеи (официальные и неофициальные), и голоса еще слабые, идеи еще полностью не выявившиеся, и идеи подспудные, никем еще, кроме него, не услышанные, и идеи только начинающие вызревать, эмбрионы будущих мировоззрений», – писал Бахтин [1. С. 150]. Причем писатель не только слушал голоса эпохи, но и сам, как мы знаем, находился в непрерывном диалоге с ней.

Издание журналов, активная переписка с многочисленными корреспондентами, выступления перед публикой – все это осуществлялось в форме живого диалога, точно так же как взаимоотношения с собственными персонажами формировались Достоевским в форме диалога в осознанном или неосознанном подражании Творцу, даровавшему своим творениям язык и речь для диалога с Ним и между собой с целью взаимопомощи в деле спасения души.

Следовательно, концепция диалога М.М. Бахтина содержит в себе не только методологические положения о структуре произведений Достоевского, но и отсылает к системе представлений, раскрывающих онтологическую и гносеологическую природу самосознания и диалога.

По Бахтину, *самосознание героя – это слово его не только о себе, но и о мире, которое и представляет собой идею.*

Споря с Энгельгардтом о характере «идей» в произведениях Достоевского, Бахтин говорит, что героиней их является «не сама идея, а человек идеи» [Там же. С. 142], причем носителем идеи у него может быть только «человек в человеке». С позиций христианского сознания это и есть образ Божий в человеке, к которому человек хочет вернуться. Грех, порок мешают диалогу с Всевышним, препятствуют взаимной любви, взаимности. Стремление к Богу, к жизни с Ним, т.е. в Истине, Красоте и Любви, онтологически заложено в человеке.

Онтологические и гносеологические вопросы устройства и познания мира, его законов, их связь с душой человека, антология самого homo sapiens – вот содержание идей героев Достоевского. Почти в каждом персонаже Достоевского – мысль великая и неразрешенная, всем им надо, прежде всего, ее «разрешить», в этом их подлинная жизнь.

«Мы видим героя в идее и через идею, а идею видим в нем и через него», – пишет Бахтин [1. С. 146], т.е. идея у Достоевского не декларируется, а является предметом художественного изображения (посредством героя), и в этом смысле «Достоевский – художник идеи» [Там же. С. 142].

Если в монологическом произведении идея выражается автором непосредственно, «без дистанции», то у Достоевского она опосредована работой самосознания персонажа и диалогом «голосов», так как «у Достоевского было глубокое понимание диалогической природы человеческой мысли, диалогической природы идеи» [Там же. С. 146].

Как «вести от Бога», дающие пищу уму и сердцу человека, опосредуются его индивидуальностью и перекрестными диалогами с потенциальными и явными оппонентами, как прозрение человека относительно своего предназначения наступает на пике обостренного ощущения бытия вследствие активного диалога с миром, точно так же только «в точке контакта голосов-сознаний рождается и живет идея», являющаяся «живым событием, разыгрывающимся в точке диалога двух или нескольких сознаний» [Там же. С. 147].

М.М. Бахтин – один из авторов, в наибольшей степени приблизившихся к пониманию творчества Ф.М. Достоевского.

Достоевский утверждал чужое «я» как субъект, а не как объект, то же самое делал и Бахтин по отношению к самому писателю. По сути, он ведет с писателем и с оппонентами-литературоведами напряженный диалог о творчестве, о методологических истоках полифонии, исходя из того что это не только романная форма, но и *тип мышления* писателя (в данном случае нужно говорить о типе художественного мышления) в определенной системе ценностей. При этом сам Бахтин продемонстрировал тот же самый тип мышления и мировоззрения.

Недаром, давая оценку труду М. Бахтина, В.В. Кожин пишет: «...сама по себе созданная М.М. Бахтиным эстетика в своем целом есть, по существу, эстетика диалога; в этом смысле она, в частности, противостоит основанной на “монологической диалектике” (по бахтинскому определению) эстетике Гегеля,

которая явилась фундаментом всей западноевропейской эстетики. И именно русская мысль могла и должна была создать эстетику диалога, воплотившую наиболее глубокую природу русской литературы» [4. С. 218].

В. Кожинув вторит В. Библер. В своей книге «Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму)» он подчеркивает, что гуманитарное, «инонаучное знание» М.М. Бахтина – это подлинная антропология, философская антропология, т.е. система гуманитарного знания, предметом которого является человек (субъект, личность, дух) [5].

С этих позиций М. Бахтина относят к представителям персонализма – экзистенциально-теистического направления в философии, признающего личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир – проявлением творческой активности верховной личности – Бога.

В персонализме выделяют течение диалогического персонализма, к представителям которого, если уточнить вышесказанное, причисляют М.М. Бахтина (в этом же ряду М. Бубер, М.Г. Недонсель, Н. Бердяев, тот же В. Библер). Коммуникация или диалог рассматриваются в диалогическом персонализме в качестве основания конституирования личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского / под ред. С. Лейбович. 3-е изд. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
2. *Зенько Ю.М.* Святоотеческая антропология и психология : основные авторы, работы и темы с I по XIV век // Acta eruditorum. Научные доклады и сообщения. СПб., 2009. №. 6. С. 19–35. URL: <http://www.spb.ru/articles/18.html> (дата обращения: 29.01.2012).
3. *Энгельгардт Б.М.* Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский : ст. и материалы / под ред. А.С. Долинина. М. ; Л., 1924. [Вып.] 2. С. 71–105.
4. *Кожинув В.В.* И назовет меня всяк сущий в ней язык // Судьба России: вчера, сегодня, завтра : сб. М., 1990. С. 174–220.
5. *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму). М. : Прогресс ; Гнозис, 1991. 176 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2013 г.